

УДК 81'25=00

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ЯЗЫКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Смирнова Л. А.

*Запорожский национальный университет, Крымский факультет, г. Симферополь,
Украина*

В статье анализируется роль перевода в становлении концептуальной, понятийной философии, а также системной историко-культурной традиции интерпретации и понимания европейских мыслительных практик.

Ключевые слова: *перевод, концептуальные языки, философское понятие, философское сознание, украинский философский тезаурус.*

Постановка проблемы. Как форма корпоративного взаимодействия философов разной языковой принадлежности, философские произведения вносят существенный вклад не только в генерацию новых общечеловеческих идей, но и формирование глобального мыслительного пространства, что приобретает особое значение для ранее закрытого для европейских просветительских проектов, лишённого общего с ними «линейного» исторического развития постсоветского сообщества. Вместе с тем, современная ситуация «открытости» отечественной философии для диалога с западной мыслью обнаруживает историческую несоизмеримость научно-гуманитарного и философского опыта отечественной культуры с актуальными традициями европейской философии, для рецепции и глубокого обсуждения которых практически не оказалось почвы ни в украинском языке понятий, ни в языке украинского общественного сознания.

Актуальность. «Заимствованная» природа языка философской и гуманитарной науки, дефицит научной терминологии и концептуального тезауруса, принципиальный (и не свойственный развитым европейским языкам) разрыв между языком науки и «естественным» языком («по М. Хайдеггеру» – языком *Dasein*), отрыв от онтологически-событийного затекста западно-европейского мыслительного опыта XX столетия, отсутствие традиций украиноязычной адаптации философских теорий – вот *наиболее фундаментальные проблемы* научно-гуманитарного перевода, требующие неотложного разрешения.

Ф. Шлеермахер писал о том, что когда народ начинает философствовать, осуществляется новое и значительное развитие и обновление его языка. Между тем, концептуальные языки не возникают спонтанно. Они создаются и обогащаются переводами – в процессе истолкования, интерпретирования и декодирования разноязычных философских текстов, поиска новых средств выражения и новых понятий в языке перевода. О том, как необходим перевод для расширения смысловых возможностей и выразительности родного языка знали ещё, как

свидетельствует Дж. Штайнер («After Babel»), древнеримские переводчики греческих текстов (Квинтилиан, Плиний младший, Сенека младший и др.), которые видели в переводе «упражнения для изощрения ума», победу над оригиналом, автором и собственным языком.

Н.А. Автономова (филолог, философ и переводчик-практик) подметила, что философы попадают в историю через историю философии, но история философии во многом пишется усилиями филологов. Если задача философа – мыслить, то задача переводчика, распространяющего интеллектуальные идеи, «открывать для себя свой родной язык и его ещё неиспользованные ресурсы» (П. Рикёр) [7, с. 10]. При этом задачей переводчика не должно быть «изящество» и «гладкость» языка. («Верные слова не изящны, а изящные слова не верны» (Лао-Цзы). Переводчик не должен бояться экспериментировать с родным языком, «ломать» его, обогащая за счет других языков. Усложнение языка позволяет оперировать более абстрактными понятиями. Чем богаче язык, тем эффективнее мышление. Описывая становление немецкого языка философии, Антуан Берман, французский переводчик, крупнейший историк и теоретик перевода, демонстрировал эффективность такого подхода на примере работ немецких переводчиков эпохи романтизма, которые впервые ввели в немецкий язык усложнённые синтаксические конструкции, калькированные из греческого и латыни, и заложили традиции чрезвычайной открытости немецкого языка к экспериментированию, что и породило феномен продуктивности «немецкого сознания» для разнообразных мыслительных и литературных практик¹.

Практически вся научно-философская терминология, освоенная к настоящему времени национальными языками на постсоветском пространстве, носит заимствованный, «чужой» характер. В различной степени такая ситуация характерна для всех новоевропейских языков (в том числе и для немецкого языка – языка «второй» родины философии), поскольку все европейские философии формировались в процессе многочисленных переводов и адаптаций античных авторов. Однако за время продолжительной исторической самоизоляции советской философии западная философия XX века пережила «революционные» изменения в способе мышления, ознаменовавшие «переход от мира науки к миру жизни» (Г. Г. Гадамер) и «выход» за пределы языка метафизики в язык повседневности. «Естественные» языки доминирующих философских наций, сумевшие стать главным источником актуальных западноевропейских научно-философских смыслопостроений, в результате актуальных общеевропейских дискуссий и своевременных взаимопереводов выработали «свою» концептуальную метафорику и «свои» терминологические соответствия заимствованиям. Всё это способствовало интенсивному формированию национальных символьных языков-понятий (В. Махлин) [5]. Так, например, в немецком языке почти на все научные понятия, заимствованные из греческого или латинского, имеются «свои» немецкоязычные

---

¹ Стоит упомянуть в связи с этим также и о феномене современной немецкоязычной литературы (Г. Брок, Т. Бернхардт, М. Вальзер, Г. Гессе, А. Дёблин, Х. Додерер, Ф. Кафка, Б. Кронауэр, З. Ленц, М. Мозебах, Р. Музиль, Й. Рот, Ф. Хандке, А. Шмидт, Г. Шпет, Б. Штраус, Э. Эллинек, Х. Н. Янн и др.), в языковом и концептуальном плане превосходящей тексты на других языках и сложной для перевода.

эквиваленты. В русском и украинском языках таких эквивалентов чаще всего нет. При этом многие понятия самого немецкого научно-философского языка практически непередаваемы (или – *условно передаваемы*) на другие языки и, как правило, в современных переводных текстах сохраняются в оригинальном немецком написании: *ein Ansatz* («заход», «подступ», «исходный пункт»), *Entgötterung* («обожествление мира»), *das Fortleben* («живые традиции»), *Historizität/Geschichtlichkeit* («историчность»), *Geschicks* («судьба»), *Geisteswissenschaften* («науки о духе», «гуманитарные науки» – термин, возникший при переводе миллевского термина «*moral sciences*», однако тот смысл, который он приобрёл у В. Дильтея и в немецкой философии XX века, делает его непередаваемым, в том числе и на английский язык) [5, с. 132], *Gestalt* («индивидуальный образ»), *Gestaltung* («изображение»), *ins bare Nichts* («полное ничто»), *Geistesgeschichte* («духовная история»), *neuzeitliche Philosophie* («новая философия»), *Rezeptionsgeschichte* («восприятие», «рецепция»), *Ursprung* («метаисторическое начало»), *Wahn* («иллюзия», «предрассудок»), *Weltwirklichkeit* («мир действительности», «жизненный мир»), *Wirkungsgeschichte* («воздействие»), *Verstehen* («понимание»), *Vertragsbeziehungen* («договорные отношения»), *zwischenmenschlichen* («междучеловеческий»). При этом такие идеологемы, как *Dasein*, *offene Gesellschaft* («открытое общество»), *Weltwirklichkeit* («жизненный мир») или знаменитое фрейдовское понятие *Beziehung*, употребляются в немецкой традиции и современной культуре Запада и как обыденные выражения (так называемое явление эквивокации), подтверждая тезис о том, что (перефразируя слова Й. Хёйзинги) не столько исследующая философия (или эпистема), сколько творящий язык порождает вместе и слова, и понятия².

Как известно, в основу русско-украинского философского тезауруса³ положено три составляющих: старославянский язык (на который с X века переводились сочинения античных, средневековых греческих и византийских мыслителей, таких, например, как Иоанн (Мансур) Дамаскин), латынь и немецкий язык И. Канта, Г. Гегеля, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Ф. Ницше, И. Юнга, З. Фрейда, Г. Г. Гадамера, М. Хайдеггера и других. При этом переводы немецких философов появились в Российской империи довольно поздно – в конце XVIII столетия. Однако именно качественные переводы XVIII века (работы Г. В. Лейбница и Х. Вольфа) и XIX столетия (труды Г. Г. Гегеля и Ф. В. Шеллинга), а также тесная связь российских философов с немецкими стали главным фактором развития русского

² Исследованию философских понятий и их интерпретации с позиции новейшего «историко-понятийного» подхода посвящены, в частности, такие авторитетные периодические издания, как *Archiv für Begriffsgeschichte* («Архив истории понятий», выходит с 1955 года) и *Historisches Wörterbuch der Philosophie* («Исторический словарь по философии», выходит с 1971 года). Суть этого метода формулируется Г. Г. Гадамером (одним из редакторов «Архива истории понятий») в его работе «Истина и метод» (раздел «Язык и образование понятий»).

³ Слова «философия», «философ», «философствовать» появляются в письменных текстах Киевской Руси уже в XI веке, однако о самостоятельности русской философии того времени ещё говорить не приходится.

концептуального языка. Примечательно, что и базовый философский термин «мировоззрение», который появился в русском языке со второй половины XIX века, является калькой немецкого существительного «*Weltanschauung*» (от *Welt* – «мир» и *Anschauung* – «взгляд», «воззрение»). Через переводы Я. М. Боровского, М. И. Владиславлева, Н. Д. Дебольского, Э. В. Ильенкова, А. В. Кубицкого, Н. О. Лосского, В. В. Рынкевича, Н. М. Соколова, Б. Г. Столпнера, Н. Файнгольда, Б. А. Фохта, Г. Г. Шпета, С. Я. Шейнман, М. В. Яковлева и других русский язык усвоил немецкую классическую философскую терминологию, поэтому гегелевские и кантовские тексты русскоязычными переводчиками во многом систематически осмыслены.

Примечательно, что в англосаксонской философской традиции те же самые немецкие философы – Т. Адорно, Э. Блох, Г. Гегель, О. Гаман, В. Дильтей, Ф. Ульрици, И. Фихте, М. Хайдеггер, Ф. Шеллинг, а также испытавшие влияние немецкой традиции Л. Альтюссер, Ж. Деррида и Д. Лукач ассоциируются с принципиальной непереводаемостью их работ на английский язык, в отличие, к примеру, от Ф. Brentano, Л. Вингенштейна, Г. Гельмгольца, Д. Гильберта, Р. Карнапа, Э. Маха, А. Райнаха Ф. Фреге или К. Штумпфа, чьи языковые критерии выходят за рамки классической немецкой философии (на что указывают Б. Смит, С. М. Вебер, Е. Б. Эштон) и демонстрируют общую для Европы постмодернистскую тенденцию к демократизации (упрощению) языка науки и философии. (Чему в немалой степени способствует и популярность английского языка, как наиболее глобализованного средства межкультурного общения: для английского языка характерна линейная структура и ориентация на логику, именно поэтому он удобен как язык науки и межкультурного общения.)

Британская философия, будучи функциональной, ориентирована на опыт и решение проблем, и поэтому англосаксонский философский профессиональный язык, в особенности современный, испытавший влияние расселовско-фрегевской формальной логики, поддается относительно беспрепятственному переводу на все европейские языки. Вместе с тем, классическая немецкая философия, сориентированная на текст и личность, предполагает использование системы искусственных понятий, не допускающих упрощения. Историческая эмотивная (поэтическая, демагогическая) неэквивалентность немецкого и английского профессиональных философских языков, имеющая, главным образом, словообразовательную и грамматическую природу, породила отсутствие между ними общего контекста пресуппозиций. Англоязычный перевод немецкого философского текста неосуществим без пространных сносок и переводческих комментариев⁴, в то время как при переводе работ английских мыслителей (любого стиля) на немецкий язык таких проблем не возникает. Это доказывает, что пределы переводческой интерпретируемости философского текста определяются экстенсией

---

⁴ К примеру, комментарии Стирлинга, МакТаггарта, Стейси, Мьюэ, Харриса, Леонарда и других к Г. В. Ф. Гегелю, а также Дрейфуса, Гельвена, Келина и Коккельманса (и других многочисленных комментариев на итальянском и французском языках) к М. Хайдеггеру, на которые ссылается Б. Смит [8, с. 136].

его приложения к уже существующему пространству вербальных текстов на языке перевода.

Принято считать, что структурное преобладание существительных, связываемых генитивами, и тенденция к субстанциализации и символизму во многом сблизил русский и украинский языки с немецким, что сделало их более адекватными для передачи содержания именно немецких философских текстов и не всегда подходит для переводов с английского и французского языков, где основной смысловой и грамматической категорией является глагол. Справедливость таких суждений относительна.

Достаточно вспомнить пример с переводом работы С. Франка «Непостижимое». Написав книгу на немецком языке, автор-еврей не смог издать её в фашистской Германии. Переехав во Францию, он переписал её по-русски. Сравнение двух авторских рукописей с очевидностью доказывает, что структура русского языка и его понятийный тезаурус «не позволили» С. Франку выполнить «идеальный» перевод собственной работы и, по сути, поставили перед необходимостью создавать новый текст.

Вместе с тем, относительно более высокая (по отношению к русскому и украинскому языкам) степень абстрактности английского языка действительно может служить объективной причиной неправильного понимания философского текста и неудачного вхождения в его метафизическое пространство. Один из примеров – российское издание книги немецкого философа К. Майнцера «Thinking in Complexity» – перевод, который в 2010 году стал настоящим событием для синергетического сообщества СНГ. Написанная на *английском языке* (что не характерно для современной *немецкой философии*, но отвечает тенденции к глобализации современной науки и стремлению автора к предельной умозрительности суждений), книга вышла под названием «Сложносистемное мышление. Материя, разум, человечество. Новый синтез» (КД «ЛИБРОКОМ», 2009, перевод с английского А. В. Беркова). Этот перевод, где главным переводческим приёмом является конкретизация, создает у читателя ошибочное, основанное на специфическом понимании переводчика представление о понятийной составляющей исходного текста. Примечательно, что оригинальное название книги «Thinking in Complexity» (буквально – «мышление в сложности») осознано ассоциируется с фразеологемой «Dancing in the Rain», являясь по замыслу автора ключевой метафорой книги и обобщая суть воззрений К. Майнцера о том, как мыслить о сложном, понимать сложное, управлять сложностью (контролировать эмерджентность) и прогнозировать «безжалостно нелинейное» (Я. Стюард) эволюционирование сложного мира.

Активное «присвоение» и «закрепление» того или иного философского «понятийно-категориального аппарата» предполагает долговременную и системную переводческую работу и понимание, что современная философия вербализируется посредством разных языков – как индивидуальных (к примеру, языков раннего Э. Гуссерля, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Ю. Хабермаса, М.Фуко), так и общеметодологических философем феноменологии, когнитивного релятивизма, структурализма, неопозитивизма и т.д.

С точки зрения Н. С. Автономовой – филолога, философа и авторитетного переводчика французских структуралистов (Ж. Лакана, Ж. Лапланша, Ж. Деррида, Ж.-П. Понталиса, П. Серио, М. Фуко и других), шестидесятилетний «отрыв» лишил постсоветское философствование своевременной рецепции западного мыслительного опыта, а с ним – и языка феноменологии, психоанализа и экзистенциализма [1, с. 355]. А приверженность к гегельянско-марксистской традиции, тяготеющей к научному рационализму, привела, как отмечает её рецензент В. Махлин («Перевод и образование», 2009), в частности, к полному неприятию и непониманию (по причине отсутствия исторического затекста) концептуального языка современной немецкой научно-гуманитарной и философской культуры (Л. Витгенштейн, М. Бубер, М. Хайдеггер, К. Ясперс). Стоит отметить, однако, что дискуссии философов и переводчиков на тему о «гео-метафизической невозможности феноменологии» в странах СНГ (по выражению М. Маяцкого, употребленного им в предисловии к своему очень качественному переводу текста Э. Гуссерля «Начало геометрии» и «Введения» Ж. Деррида) не мешают активному проникновению феноменологического и экзистенциально-персоналистского языков в постсоветское культурное пространство⁵.

Прочтение и перевод философских текстов предполагает комплексные герменевтические усилия. Выявление области значимых понятий в философском тексте (т.е. стадия анализа ИТ) – задача, которую (хоть и по-разному) решают и философия, и филология, но системное сохранение этих понятий в ПТ с учетом всех «культурно-исторических и лингво-стилистических сложностей подбора и апробирования понятийных эквивалентов» (стадия синтеза ПТ) требует квалификации филолога [1]. Именно филологический подход наиболее эффективен для выстраивания концептуального языка через перевод.

Очевидно, что не всякий иноязычный философский текст способен вносить вклад в формирование языка фундаментальной философии в культуре ПЯ. К примеру, концептуальные схемы И. Канта или современных структуралистов носит преимущественно «интернациональный» характер и не представляют особых проблем для перевода. Такие тексты в большинстве не являются непереводаемыми с точки зрения терминологического тезауруса: «*априори*», «*апперцепция*», «*антисипация*» (И. Кант), «*нигрета*» (К.Юм), «*ноэма/ когитатум*», «*жизненный мир*» (Э. Гуссерль), «*квалиа*» (К.И. Льюис), «*дискурс*» (З. Харрис), «*след*» (Ж. Деррида), «*неявное знание*» (М. Полани), «*холон*» (А. Кестлер), «*фаллибилизм*» (Ч. С. Пирс), «*ризома-корневище*», «*номада*», «*тело без органов*» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), «*третий член*» (Ж. Батай), «*мондиализм*», «*симулякр*» (Ж. Бодриар), «*анализант*» (Ж. Лакан), «*апофения*» (К. Конрад), «*специализация*» (Ф. Джеймисон), а также логического синтаксиса и пропозиций, прагматики и так далее. Однако их перевод не вполне способствует становлению дисциплинарного философского тезауруса в языке перевода, поскольку чаще всего не создаёт условий

⁵ Самые заметные представители «постмодернистски» ориентированной философии на постсоветском пространстве – В. Подорога («Выражение и смысл», – 1995; «Феноменология тела», 1995) и М. Рыклин («Террорологии», 1992; «Искусство как препятствие», 1997).

для построения новых концептов и языкового развития. Что, тем не менее, нисколько не умаляет их ценности как текстов, репрезентирующих философию как историю идей.

Вместе с тем, есть тексты, перевод которых априори предполагает решение словотворческих лингвистических задач. Такие переводы не могут быть индивидуальными переводческими проектами и предполагают коллективную аналитическую работу, как филологов, так и философов. К примеру, для формирования украинского аналитического языка понятий необходим осмысленный и вынесенный на всеобщее обсуждение перевод таких «терминоёмких» текстов философской западноевропейской классики, как «Наука и логика» Г. В. Ф. Гегеля, «Бытие и время» М. Хайдеггера, «О грамматологии» Ж. Деррида, «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра⁶, работ М. Бахтина, М. Бубера, Б. Вальденфельса, Л. Витгенштейна, Ж.-Ф. Лиотара, Э. Левинаса, М. Мерло-Понти, Ю. Хабермаса, В. Шкловского и других. Однако, поскольку в украинском философском сообществе еще нет устойчивой академической традиции философствования, критерием отбора текстов для перевода часто является не столько современный инструментарий, сколько принцип интересности идеи или текста.

Вопрос о культурной возможности дешифровки философских текстов предполагает комплекс широкомасштабных организационных действий, связанных с:

1) разработкой и становлением концептуальных тезаурусов разных областей мыслительных практик. Необходим специальный проект, координирующий усилия специалистов-лексикологов и философов, работающих над созданием нормативного украинского (многоязычного) философского словаря и его электронного аналога с открытой архитектурой и сопровождением фирмы-производителя;

2) расширением текстологической практики, включающей, прежде всего, навыки работы с текстами на иностранных языках;

3) обучением профессиональных философов герменевтической процедуре прочтения, критического анализа и интерпретации текста;

4) использованием переводческого аспекта в курсе преподавания философии;

5) созданием виртуальной переводческой среды (например, через сетевую «Школу философского перевода»);

6) профессиональным комментированием, рецензированием и обсуждением каждого нового переводного издания и т.д.

В европейской традиции перевод, начавший свою историю как *дословное переложение*, со временем приобрёл статус *толкования, не претендующего на окончательность*. Каждые 30-50 лет появляется необходимость в переводах «нового поколения». Ю. Найда, обосновывая необходимость новых англоязычных переводов Библии (число которых к настоящему времени огромно), утверждал, что они заставляют задуматься, поскольку, пока у англосаксов была Библия короля Иакова, они не думали. Чрезвычайно важно иметь *разные переводы*, чтобы завязался

---

⁶ По сложности языка главное философское исследование Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто» не уступает хайдеггеровскому «Бытию и времени», что во многом объясняется синтезированием феноменологической и гегелевской парадигм философствования.

хороший спор, полемика. Спор как среди переводчиков, так и среди тех, кому предназначены их тексты. Для формирования национального языка понятий и общественного сознания этот фактор играет значительную роль.

Выводы. Переводы и дискуссии вокруг немецкого, французского и англо-американского постпозитивистского наследия, позволяющие понять общие, порой взаимоисключающие тенденции новейшего европейского мейнстрима, расширяют процесс взаимоосвоения национальных философий. Открытость Украины западному философскому опыту способствует освоению новых понятий, а также формированию украинского концептуального языка в тех областях, где он слабо развит (социальные практики) или почти не существует (новые области науки, новые виды знаний и так далее).

Ценность переводческой составляющей философской науки очень высока. Она призвана не столько преодолеть ситуацию незнания, сколько инициировать переориентацию отечественной философской проблематики, сформировать новые концептуальные подходы, заложить основы философствования средствами украинского языка-реципиента, способствовать становлению самостоятельных отечественных мыслителей. Украинский перевод зарубежной философской классики – одна из приоритетных и широкомасштабных задач, поскольку интенсивность мировых историко-философских практик значительно опережает развитие отечественной историко-философской науки.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Познание и перевод: Опыт философии языка / Н. С. Автономова; Ин-т философии РАН. – М.: РОССПЭН, 2008. – 704 с.
2. Берман А. Фр. Шлейермахер и В. Фон Гумбольдт: перевод в герменевтико-языковом пространстве / А. Берман // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2000. – №4. – С. 118-129.
3. Бланшо М. О переводе / М. Бланшо // Иностранная литература. – 1997. – №12. – С. 183-185.
4. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики/ Пер. А.В. Михайлова / Г.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1991. – 704 с.
5. Махлин В.Л. Перевод и образование / В.Л. Махлин // Вопросы литературы. – 2009. – №2. – С. 109-168.
6. Майнцер К. Сложносистемное мышление. Материя, разум, человечество. Новый синтез / Пер. с английского А. В. Беркова / С. Майнцер. – М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 463с.
7. Рикёр П. Парадигма перевода / Пер. с немецкого М. Эдельман / П. Рикёр // «Esprit». – 1999. – № 253. – С.8-19.
8. Смит Б. К непереводаемости немецкой философии / Пер. с немецкого Я. Саноцкого / Б. Смит // Логос. – 2000. – № 5-6. – С. 124-136.
9. Франк С. Непостижимое / С. Франк // Сочинения. – М.: Из-во «Правда», 1990. – С. 183-559.
10. Хейзинга Й. Homo Ludens [Человек играющий] / Пер., сост. и Х35 вступ. ст. Д. В. Сильвестрова: Коммент. Д. Ю. Харитоновича/ Й. Хейзинга. – М.:Прогресс -Традиция, 1997. – 416 с.
11. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода / Ф. Шлейермахер // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2000. – №2. – С. 127-145.
12. Chesterman A. Translating between Aristotle and Postmodernism / A. Chesterman // Translation, Acquisition, Use / A.Mauranen & T. Puurtinen (eds.). – LA: AFinLA Yearbook, Jyväskylä: AFinLA, 1997. – pp.51-60.
13. Montgomery S.L. Science in Translation: Movements of Knowledge Through Culture and Time / S.L. Montgomery. – Chicago: University of Chicago Press. – 2000. – 325 p.

14. Steiner G. *After Babel: Aspects of Language and Translation* / G. Steiner. – Oxford: Oxford University Press, 1975. – 520pp.

Смирнова Л. А. Роль перекладу у формуванні концептуальної мови національної філософії // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.194-202.

У статті проаналізовано роль перекладу у становленні концептуальної, поняттєвої філософії, а також системної історико-культурної традиції інтерпретації та розуміння європейських розумових практик.

Ключові слова: *переклад, концептуальні мови, філософське поняття, філософська свідомість, український філософський тезаурус.*

Smyrnova L.A. Role of translation in development of the national philosophy's conceptual language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.194-202.

The article analyzes the role of translation in expansion of conceptual philosophy as well as systematic historic and cultural tradition of interpretation and comprehension of the European thinking practices.

Key words: *translation, conceptual languages, philosophic concept, philosophic consciousness, Ukrainian philosophic thesaurus.*

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.